

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА

Культурная политика государства: вопросы о реально существующем и потенциально возможном*

О. Н. Астафьева

(Российская академия государственной службы при Президенте РФ) **

State Cultural Policy: Questions on Really Existing and Potentially Possible

O. N. Astafiyeva

(Russian Academy of State Service under the President of the RF)

КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ: КАНАДСКАЯ МОДЕЛЬ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Продолжая размышлять над вопросом, как согласуется «регулирование» культурного многообразия на определенной территории (следствие перемещения человеческих ресурсов) с демократическими принципами и ценностями, мы невольно задаемся новым вопросом: «А является ли данная ситуация результатом «двусмысленности современной демократии», т. е. одновременной поддержкой тенденций дифференциации и гармонизации личности и общества?»

Поиски ответа приводят нас к необходимости анализа одного из центральных понятий демократии — «культурный плюрализм», ибо в дискуссионности дискурса относительно концепции мультикультурализма в условиях современной демократии оно также подвергается пересмотру и требует конкретизации. Культурный плюрализм и мультикультурализм — родственные, но не тождественные понятия. Если культурный плюрализм — это принцип, допускающий многообразие культурного самовыражения, возможность сосуществования разных субкультур в пространстве национальной культуры, разных культур в границах единого территориального образования в условиях гражданского общества,

* Окончание. Начало в № 3 за 2008 г.

** Астафьева Ольга Николаевна — доктор философских наук, заместитель заведующего по научной работе кафедрой культурологии и деловых коммуникаций Российской академии государственной службы при Президенте РФ. Тел.: (495) 436-98-27, 436-05-26, 436-94-28. Эл. адрес: onastafieva@mail.ru.

Статья подготовлена в рамках российско-украинского проекта «Постнеклассические практики в меняющемся мире» при поддержке РГНФ (грант 08 - 03 - 91309aU).

то мультикультурализм — это стратегия демократического государства, направленная на достижение определенного «качества» взаимодействия культур в одной стране, причем это качество изначально установлено — мирное сосуществование, основанное на толерантном отношении к различным культурам. Мультикультурализм — это концепция, основанная на признании равенства всех культур, имеющих одинаковое право на саморазвитие. Мультикультурализм предлагает сохранение самоценности культур как основы для выстраивания социальной интеграции, не приводящей к ассимиляции (слиянию), как принятие ценностей другой культуры как равной. Стратегия искусственно возвращаемой ассимиляции по отношению к иммигрантским культурам, как показывает исторический опыт и современная социокультурная практика, может служить источником ксенофобии, фундаментализма, экстремизма.

Когда речь идет об иммиграции, то принцип культурного плюрализма выступает базовым условием признания целесообразности обращения к политике мультикультурализма. Важно понимать, что мультикультурализм как ориентированная на взаимодействие концепция принципиально отличается от ассимиляции и гибридизации, формирующих новые культурные образования, но при этом разрушающих процессы воспроизводства культурного многообразия — многообразия, складывающегося из этнических, религиозных, расовых, языковых и других различий.

Интеграция иммигрантов в принимающее сообщество — результат двух встречных процессов — социокультурной самоорганизации и рационального регулирования. Механизмами ее достижения выступают специальные комплексные программы, в которых центральное место занимают условия предоставления гражданства, обеспечение социальной защиты и возможность получения образования, обучения национальному языку, доступ к культурным ценностям и др.

Вопрос о понимании политики ассимиляции в контексте проводимой политики мультикультурализма — один из самых острых. Дело

в том, что после принятия Всемирной декларации о культурном разнообразии¹ развитые «иммиграционные страны» подчеркивают некорректность провозглашения политики ассимиляции и следуют усложненной модели, в основе которой лежит принцип культурного плюрализма, толерантности и диалога. Это обновленный тип политики мультикультурализма, когда можно говорить не о стихийной этнической и культурной мозаике, но об определенности «пазловости» этой картины: при всей свободе самоорганизации правовыми нормами «предопределена» упорядоченность процесса этнокультурного взаимодействия. Эта устремленность государства к интеграции населения, различающегося по своим этнокультурным и конфессиональным традициям, в единое социальное пространство не мешает сохранению своеобразия каждой из культур, составляющих это многообразие.

Подобный тип культурной политики более всего приближается к модели корпоративного мультикультурализма, которая реализуется в настоящее время в Канаде². Обновленная концепция мультикультурализма направлена на то, чтобы, формируя коллективный стиль жизни, не ограничивать возможности жизнедеятельности отдельного человека, проявление индивидуальности этнокультурного самовыражения, поддерживать языковое разнообразие (Жукова, 2006: 16–19). Опыт социальной и культурной политики Канады показывает, что решение социальных вопросов и создание условий для культурного самовыражения — основа для интеграции населения, повышающая конкурентность страны на мировом рынке за счет «человеческих ресурсов» и создающая стране особую привлекательность. Этнокультурное многообразие не мешает формированию определенной *гражданской идентификации*, которая не тождественна социокультурной идентичности, тем более — национально-культурной (коллективной) идентичности, но является важной частью целостной идентификационной палитры, присущей людям, проживающим в рамках единого государственного образования.

В пространстве повседневности мультикультурализм в Канаде воплощает концептуально оформленную стратегию культурной политики и одновременно выступает историко-культурным мифологизированным повествованием, с многочисленными сюжетами и историями, передаваемыми в свободной интерпретации все новым и новым иммигрантам, прибывающим в Канаду. Но этот своеобразный миф о мультикультурализме — не идеальное представление или картина будущего. Мультикультурализм сопряжен с обыденной реальностью и конкретностью, ибо в нем одновременно выражена потребность современного человека в мифологизации идеи и концепции, которую около сорока лет тому назад предложила своей стране власть, предложила как инструмент разрешения социальных конфликтов, возникающих на почве культурных различий. Объявив об этом всему миру в 1971 г., уже спустя семь лет она была закреплена в Акте о мультикультурализме (т. е. закона о сохранении и развитии многообразия культур в Канаде). Фактически, раскрывая политику мультикультурализма в одной стране, основные положения этого документа на длительное время определили как само понятие «мультикультурализм», так и направление деятельности федеральных институтов по сохранению культурного разнообразия в обществе, сохранению и распространению культурного наследия Канады.

В Акте о мультикультурализме заложены основные принципы и цели культурной политики государства, которое должно:

- утверждать и способствовать пониманию того, что многообразие культур отражает культурное и расовое многообразие канадского общества, признавать свободу всех членов канадского общества на сохранение, развитие и распространение своего культурного наследия;
- признавать и способствовать пониманию того, что многообразие культур является основной характерной чертой канадского наследия и самобытности и содержит в себе бесценный потенциал формирования будущего Канады;
- содействовать полному и равноценному участию отдельных лиц и сообществ всех видов в постоянной эволюции и формировании всех аспектов канадского общества и помогать им снимать все барьеры на пути такого участия;
- признавать существование сообществ, члены которых имеют общее происхождение и свой исторический вклад в канадское общество, и способствовать их развитию;
- обеспечивать всем индивидуумам получение одинакового отношения и одинаковой защиты по закону, уважая и отдавая должное при этом их многообразию;
- содействовать и оказывать помощь деятельности социальных, культурных, экономических и политических институтов Канады по признанию важности мультикультурного характера канадского общества;
- содействовать пониманию и творческим отношениям, возникающим в результате взаимодействия отдельных лиц и сообществ, имеющих разные корни;
- способствовать признанию и уважению многообразия культур канадского общества и содействовать распространению и возрастающей выразительности этих культур;
- сохранять и расширять использование других языков помимо английского и французского, укрепляя при этом статус и расширяя использование официальных языков Канады;
- способствовать развитию многообразия культур по всей территории Канады, оставаясь верным при этом положению о двух официальных языках Канады³. Конкретизация целей культурной политики на проведении стратегии мультикультурализма через расширение форм гражданского участия, распространение принципов социальной справедливости и формирование канадской идентичности позволила сосредоточить усилия общества на этих приоритетных направлениях. Формирование в обществе кросскультурного понимания и мышления, институционального отражения и закрепления разнообразия, преодоление расизма и любых форм дискриминации стали задачами на длительный период. Путем принятия специальных программ и проектов Канада движется к мультикультур-

ной модели, корректируя и конкретизируя в зависимости от происходящих год от года изменений тематическую направленность этих программ. Сфера культурной политики, где на основе обозначенных приоритетов разрабатываются механизмы их реализации, становится смысловым и инструментальным пространством, обеспечивающим сопряжение мифа о мультикультурной реальности с такими формами культуры, как обряды, обычаи, мораль, художественная культура и т. д.

Сравнительный анализ ежегодных официальных докладов о состоянии мультикультурализма в стране показывает, что политика культурного многообразия Канады обеспечивает условия для реализации прав коренных народов, подтверждает правильность решения о придании официального статуса двум основным языкам Канады — английскому и французскому, а также развивается на принципах гражданского равенства, гарантируя всем жителям страны возможность сохранять свою индивидуальность, гордиться своим происхождением и ощущать себя приобщенным к канадскому обществу.

В современной России, стране, в которой проживают представители около двухсот национальностей, *принцип многокультурности* в некотором смысле становится показателем уровня демократичности, основой для социального взаимодействия. Активизация *культурных механизмов социального взаимодействия*, роль которых значительно возрастает в условиях расширения пространства демократических ценностей, формирует прочный фундамент для построения гражданского общества в России. Задача поддержания общенационального единства и формирования национально-культурной идентичности в условиях становящейся демократии, когда имеют место этнокультурная напряженность и националистические проявления, сохраняет свою актуальность.

Размышляя над этими проблемами, изучая опыт разных стран по достижению общественного согласия относительно решения проблем этнокультурного взаимодействия *ненасильственным путем через демократические институты*, становится очевидным, что

реализация права на свободу культурного самовыражения, а значит, и на сохранение определенного стиля и образа жизни, языка и норм поведения и общения, — одна из самых трудноразрешимых проблем. Реализация модели, в основе которой лежит признание многокультурности, способствует успешной адаптации и культурной интеграции иммигрантов в общество, открывает возможность обучения русскому языку, как государственному языку Российской Федерации, путь к профессиональной деятельности, получению образования и доступ к культурным ценностям, при этом сохраняется возможность проявления свободы совести и вероисповедания в рамках правового поля.

Таким образом, чтобы общество становилось подлинно демократическим, свободным, чтобы действия государства были предельно конструктивными и полезными в ситуации плюрализма, нужно научиться видеть интересы и тех, кто принимает иммигрантов, и тех, кто хочет жить и работать в новой стране; научиться достигать компромиссов, снимающих напряженность и конфликты. Для сохранения культурного разнообразия необходимо обеспечение *дискурса согласия*, легитимности обсуждения проблем среди населения, разделяющего этику этого дискурса.

Важную роль в поддержании социокультурной стабильности Канады играют государственные, политические, культурные символы, выражающие фундаментальные для общества понятия равных возможностей гражданского участия, толерантности, социальной поддержки. Помогает ли это людям, вступающим в межкультурную коммуникацию? Ответ однозначно положительный, но не столь простой, ведь межкультурная коммуникация основывается на процессе символического взаимодействия между субъектами интеракции, которые принадлежат разным этническим группам, придерживаются разных религиозных верований и культурных традиций. Если же каждая культура формирует не только специфические для нее символы, но и «программу» их восприятия и постижения, то что же способствует успешности межкультурной коммуникации в стране, где

проживают представители около двухсот национальностей (как и в России)? Вероятно, символы мультикультурализма, понятные для каждого, кто чувствует себя гражданином Канады. Эти символы призваны смягчить проблемы, связанные с трудностями сохранения и развития этнокультурной идентичности в многонациональном государстве.

Согласно концепции символического интеракционизма (Г. Блумер, Дж. Мид, Д. Чарон и др.) личность и социальное действие формируются с помощью символов, которые приобретаются в процессе социализации и взаимно подтверждаются и изменяются его участниками в ходе социокультурного взаимодействия. Поэтому культурные символы выражают возможность воплощения идеала мультикультурализма, выполняя идентификационно-интегративную роль: представители разных культур и верований осознают себя частью единого целого. Символы мультикультурализма аккумулируют социокультурный опыт жизнедеятельности людей, проживающих на территории страны, независимо от того, являются ли они ее коренными жителями или иммигрантами. Символы, поддерживаемые через образовательное пространство, массмедиа, выполняют коммуникативно-информационную функцию, способствуя взаимобмену идеями и ценностями в межкультурных контактах.

В отличие от современных мифов как сознательно создаваемых продуктов политической деятельности с целью дальнейшего использования в манипулятивных процессах, миф мультикультурализма «выращивается» в Канаде на эмоционально окрашенной гуманистической идее «Канада — для всех», которая превратилась в коллективный образ и коллективное действие.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Несомненно высока в обществе роль средств массовой информации, с их широким спектром возможностей влияния на состояние духовной культуры. И это влияние может иметь самые разные социокультурные

эффекты, способствовать формированию морали, основанной на признании культурного многообразия, снижая (или иницируя, в зависимости от формируемого дискурса) деструктивные процессы. Раньше религия предписывала нормы моральной коммуникации, но сегодня ситуация кардинальным образом изменилась. «Ответственное» телевидение, будучи социокультурным институтом, по мнению Н. Лумана (Луман, 2005: 69), должно осуществлять функцию «неморального координатора морали» в обществе.

В поликонтекстном мире это уже не может происходить без появления разногласий. Дело не обстоит таким образом, что за счет моральности укрепляется неморальность. Скорее, появляется все более хороших моральных оснований для отклонения тех форм, что зиждут себя в морали. Этому неоднозначному положению морали в сегодняшнем обществе соответствует — на семантическом уровне — индивидуализация моральной референции, ее привязанность к внутренней убежденности (в отличие от внешней принужденности), т. е. самомотивация. Эта индивидуальная этика отделяется от религии и отличается от права». И именно телевидение может осуществлять *социальную координацию* моральных перспектив. Но не только поэтому роль СМИ в современном мире «отягощается» категорией ответственности.

Телевидение вырабатывает культурный (в том числе и моральный) языковой код, выступая механизмом распространения информации с помощью технических средств и инструментом воздействия на общественное сознание, но это еще и один из действенных способов осуществления связи и взаимодействия людей в современной социокультурной среде. Согласно Ю. Хабермасу, коммуникация обеспечивает диалогическое пространство рационально-критического (дискуссионного) обсуждения социальных проблем, без которого не может состояться понимание проблем, а значит, и создание новых подходов к социальной реальности, выявление новых норм и ценностей, культурных смыслов, выступающих ориентирами для развития обще-

ства. Более того, утверждает ученый, «не существует ни одной социокультурной жизненной формы, которая не нацеливалась бы, по крайней мере косвенным образом, на продолжение коммуникативного действия с помощью аргументированных средств, — сколь бы рудиментарны ни были формы аргументации и сколь бы мало ни были институционализированы процессы достижения взаимопонимания» (Хабермас, 2001: 157–158).

Соответственно, придание определенного значения и установление связи между фактами и информационными конструктами (научными, художественными, политическими и др.), независимой информацией событийного порядка, специальной и деловой информацией, выступающих основанием для продолжения коммуникации, является сутью и целью, в том числе массмедийных коммуникаций. Однако нелинейный процесс восприятия (приема/переработки) информации человеком, реально-временная одновременность и оптически/акустическая синхронизированность информации (дополненные интерактивностью), с одной стороны, снижают возможность ценностно-смысловых манипуляций. Это следует из того, что *СМИ ответственны перед обществом за производство «собственных значений»* — именно тех относительно стабильных ориентаций в когнитивной, нормативной и ценностной сфере (evaluativen), которые не могут задаваться извне, а возникают благодаря тому, что операции рекурсивно применяются к своим собственным результатам (новая коммуникация непрерывно обращается к результатам предшествующей коммуникации).

Производство объектов, наличие которых может предполагаться в дальнейшей коммуникации, обеспечивает стабильность (репродуктивную способность) общества, но одновременно увеличивает риск конфликта — тестирование коммуникации через коммуникацию показывает, что массмедиа в погоне за известностью не отказываются от попыток разнообразить информацию, чтобы спровоцировать ее принятие или отклонение (Луман, 2005: 155–157). Поэтому, с другой стороны,

отбор информации, совершаемый людьми (в средствах массовой информации), включает и их самих (в целом, всех потребителей медиакультуры) в процесс отбора со стороны самого же средства информации. «Все средства массовой информации пучками своих передач, то есть фактически пучками отобранных вопросов, выделяют и помещают в рамку определенные образцы воспринимающих индивидов. Осуществляя циклическую операцию опытной настройки и непрерывной интерференции... они (СМИ. — О. А.) при этом локализируют и структурируют не реальные автономные группы, но социально-психологические образцы, моделируемые массивированным действием их передач. Самым блестящим таким образцом является, конечно, «общественное мнение» — не ирреальная, но гиперреальная политическая субстанция, фантастическая гиперреальность, которая жива только благодаря монтажу и манипуляциям в ходе тестирования» (Бодрийяр, 2006: 136–137).

В целом же, можно заключить, что массмедиа придает символам, кодам, ценностям, значениям понятность, делает информацию доступной, однако не снимает центрального вопроса: «Как возможно, что информация о мире и об обществе признается информацией о реальности, если известно, как она производится?» (Луман, 2005: 189).

Из этого вопроса и произрастает традиционное утверждение о всеисильности массмедиа. Действительно ли, «пришло время *информационной бомбы*, перспектива взрыва которой вскоре потребует установления системы социального сдерживания и внедрения «автоматических предохранителей» для предотвращения перегрева, то есть расщепления социального ядра наций» (Вирилио, 2002: 86–87).

Возможна ли «свобода от массмедиа»? Если СМИ задают жесткие рамки, то так недалеко от «управляемых массмедиа» к «управляемому обществу». Эти перспективы не имеют ничего общего с идеями демократии. Вероятно, именно эту модель имеет в виду П. Вирилио (Вирилио, 2002: 88), когда говорит, что расширение информационного пространства не всегда способствует обновлению

репрезентативной демократии политических партий, ибо под этой маской «внедряется идеология автоматической демократии, когда невозможность обсудить что-либо «компенсируется» социальным автоматизмом, по типу опроса мнений или оценки телевизионной аудитории. Демократия в виде условного рефлексива, не нуждающаяся в публичном обсуждении, когда предвыборную кампанию выигрывают навязываемые мнения, когда предлагающая «демонстрация» партийной программы уступает место «предугадывающей» и зрелищной разработке индивидуального поведения, параметры которого давно определены рекламой». Речь идет о масштабных замыслах, не считающихся ни с интеллектуальными человеческими ресурсами общества, ни с национальными культурами и их носителями, то есть об «идеологическом заражении» социума.

Иной вариант — это апелляция исключительно к механизмам самоорганизации, полное отрицание каких-либо детерминант в развитии массмедийного пространства. Допустим, что спонтанные информационные потоки будут лишены каких-либо управленческих воздействий, превращая тем самым социокультурную реальность в «хаотизированный метатекст». Насколько эта модель соответствует типу демократического государства? Предполагают ли «свободные массмедиа» свободногого в своем выборе продукции, а значит, и свободного в своих мыслях и поступках, человека? Как эта свобода соотносится с ответственностью?

Особая роль в утверждении модели культурного плюрализма принадлежит средствам массовой информации, которые являются механизмами снижения противоречий между тенденциями интеграции и дифференциации в обществе. Степень интегрированности общества следует отличать от тоталитарных методов унификации и снижения культурного разнообразия, административно-волевых попыток ограничить плюрализм в пользу монополии любого плана, когда в обществе может возникнуть конфликт между внутренней культурой и внешним следованиям навязываемой государством идеологической линии.

Другим, не менее эффективным, каналом распространения идей культурного плюрализма является система образования, посредством которой необходимо распространять не только знание о своей культуре, но и уважение к истории и ценностям «чужих» культур.

В рамки такой парадигмальной установки включены идеи демократизации, культурного плюрализма, свободы и ответственности. Институционализация культуроцентризма возможна лишь в условиях гражданского общества, в котором государство берет на себя обязательства и гарантии, не умаляя при этом пространство свободы для реализации общественных интересов, так и прав личности в культуре.

* * *

Изменяющийся мир инициирует поиски новых концептуальных линий, связанных с необходимостью перехода России к новой парадигме развития. Вполне закономерен переход к согласованности успехов экономического развития страны и уровня культурных благ и услуг, потребляемых ее населением, их доступности. Время ставить и обсуждать вопросы о социокультурном измерении происходящих реформ, о переходе России к концепции культуроцентризма, в которой центральными являются идеи гуманистической направленности на развитие, сбалансированное между политическими, экономическими и культурными целями. Речь не идет о новой социальной или идеологической конструкции. Скорее — о ценностно-смысловых параметрах порядка в социуме, повышающих значимость культуры как ресурса общественного развития, меняющих отношение к культуре в целом и создающих основания для наращивания в стране «культурного капитала», распространению позитивных социокультурных практик.

Культуроцентристская парадигма включает идеи культурного плюрализма и обновленного мультикультурализма, способствует развитию личности и расширению возможностей ее самореализации, ибо в ее основе лежит признание ценности человеческой жизни и результатов человеческой деятельности, преоб-

разующих материальный и духовный мир. Культура всегда выступала мощным ориентиром для российской интеллигенции, но сегодня она может выступить тем импульсом, который позволит идеям культуроцентризма и мультикультурализма «перерасти» в социально-политический проект, а его реализация, в свою очередь, будет связана с позитивными социально-культурными преобразованиями. При этом ответственность за формирование гражданственности, культуру нравственных взаимоотношений в условиях демократии распределяется в равной степени не только между элитами и СМИ, но и между обществом и государством, между бизнесом и властью. Гражданский мир — это толерантность и диалог.

¹ Всеобщая Декларация ЮНЕСКО о культурном многообразии. Принята 32-й сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО. Париж, 2001, 2 ноября.

² Канада — страна, где политика мультикультурализма проводится наиболее последовательно и с 1971 года закреплена в «Акте о мультикультурализме» («The multicultural Act»). (См. об этом: Этнокультурная мозаика Канады и проблемы канадской идентичности: Материалы междисциплинарного семинара (РОИК). М., 2003).

³ См.: Закон о многообразии культур Канады / R.S., 1985, с. 24 (4th Supp.) [C-18.7]: Закон о сохранении и развитии многообразия культур в Канаде [1988, с. 31, утвержден 21 июля 1988].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверин, А. Н. (2006). Миграция населения. М. Астафьева, О. Н. (2006). Полилог в условиях транснационализации культурного пространства глобализирующегося мира // Теория и практика культуры. Альманах. Вып. 4. М.: РАГС.
- Бодрийяр, Ж. (2006). Символический обмен и смерть. 2-е изд. М.: Добросвет, КДУ.
- Бауман, З. (2004). Глобализация: последствия для человека и общества / пер с англ. М. Вирилио, П. (2002). Информационная бомба: Стратегия обмана / пер. с фр. М.: ИТДГК «Гнозис», Фонд «Прагматика культуры».
- Герен-Пас, Ф. (2004). Откуда Мы? О географическом происхождении Франции // Этнопанорама. № 2.
- Герен-Пас, Ф., Виль, И. (2004). Изучение процесса формирования идентичностей помогает понять интеграционные механизмы. Интервью с Е. Филипповой // Этнопанорама. № 2.
- Гуревич, П. С. (2006). Меняются ценности — меняется эпоха // Вестник аналитики. № 4 (26).
- Дмитриев, А. В. (2004). Конфликтогенность миграции: глобальный аспект // Наука в XXI веке. Вып. 2. Проблемы развития современной России. М.: Современный гуманитарный университет.
- Дробижева, Л. М. (1996). Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов / Л. М. Дробижева, А. Р. Ахлаев, В. В. Коротеева, Г. У. Солдатова. М.
- Жукова, И. В. (2006). Художественная культура современной Канады. М.: Прометей Луман, Н. (2005). Медиа коммуникации. М.: Логос.
- Маршалл, М. (2004). Международные модели и тенденции финансирования культуры // Государственная служба за рубежом. Вып. 5. Управление в сфере культуры. М.: РАГС.
- Муфф, Ш. (2004). К агонистической модели демократии // Логос. № 2 (42).
- Никитаев, В. (2004). Повестка дня для России: власть, политика, демократия // Логос. № 2 (42).
- Сепир, Э. (2001). Культура подлинная и мнимая // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ. 2-е изд. М.: Прогресс.
- Утятский, М. Н. (2007). Государственный контроль в сфере миграции // Федеральное Подмосковье. № 1–6.
- Хабермас, Ю. (2001). Моральное сознание и коммуникативное действие / пер с нем. СПб: Наука.
- Луман, Н. (2005). Реальность массмедиа. М.: Праксис.
- Флиер, А. Я. (2008). Мультикультуральность // Обсерватория культуры. № 2.
- Хэлд, Д., Гольдблат, Д., Макгрю, Э., Перратон, Дж. (2004). Глобальные трансформации: политика, экономика, культура. М.